

По признанию Богатикова, на заключительном заседании жюри телевизионного конкурса «Бархатный сезон-94» у него это не очень получилось. И не менее темпераментный популярный ведущий Олег Марусев даже в сердцах назвал его коммунистом!

— Он, наверное, решил, что таким образом дал мне пощечину, — продолжил Юрий Иосифович, — а я действительно был и остаюсь коммунистом, вхожу в Компартию Крыма. Более того, я член ЦК Компартии Украины, был депутатом Крымского парламента.

— Был?
— Да. Сейчас я из него вышел. Официально вышел — подал заявление и сложил полномочия. Помните, Чацкий произносит в «Горе от ума»: «Когда у дел, я от безделья прячусь. Когда дурачатся — дурачусь. А смеивать два эти ремесла есть тьма искусников, я не из их числа». То есть я понял, что политика — очень серьезная профессия, ей нужно учиться. У меня же есть еще солидный запас в том деле, которое я знаю, и профессия певца, по-моему, тоже достаточно сильна и убедительна.

— Короче, вы решили, что донести свои мысли с эстрады вам проще, чем с трибуны. О чем же вы сейчас поете?

— В моем репертуаре появилась новая песня Пахмутовой «Остаюсь с обманутым народом». «Вот пришло письмо издалека, где живут богаты и свободно. Пусть судьба страны моей горька — остаюсь с обманутым народом». Эта тема меня сейчас волнует. Похожая по смыслу вещь есть у Игоря Демарина — «Заграница». Думаю, слышали?

Мне обидно смотреть на папанов, которые исполняют ныне роли пограничников на наших внутренних границах. Им же должно быть стыдно смотреть в глаза тем, кого они проверяют. Лично я, русский человек, никогда не прошу этим людям: Горбачеву, Ельцину, Кравчуку — того, что они унизили мое национальное и человеческое достоинство. Плоха была система, страна, экономическое устройство, но это было наше. Это нуждалось просто в переосмыслении, а теперь мы только и знаем, что топчемся по отеческим гробам. Разве это не ужас? Один мой товарищ, военный, приводит прекрасный пример: «Вот рота почетного караула. Уж как там солдаты вымуштрованы, однако все равно на выполнение команды «становись» тратится полторы секунды, а расходятся в три раза быстрее. Так-то. Развалить — это мгновение. Построить — сложнее».

Теперь новое время. Раньше мы жили в стае, где существовал вождь. Сейчас вожака не стало. Каждый пошел в свою сторону, и новая идеология только формируется. А наше поколение свою идеологию уже выработало, и если вы честный человек, то менять свои взгляды уже как-то неловко. Мы можем разве что давать оценку происходящему.

— Если вы такой убежденный борец за господствовавшую некогда идеологию...

— Нет-нет, ну зачем говорить «борец». Напротив, я стараюсь быть как бы над схваткой. И кстати, могу с чем-то в марксистско-ленинском учении не соглашаться. Речь идет о том, что меняющиеся в моем возрасте убеждения кажутся мне подозрительными.

— А у вас подобные убеждения с каких пор?

— Ничего не могу ответить. Ибо тогда, наверное, придется врать. Знаете, сначала это ведь было даже модно. А потом, я никогда не разделял государство и партию, и мне, честно говоря, это нравилось. На каком-то этапе я, как человек творческий, пожалуй, шел в первых рядах. Но я никогда не был ортодоксом. Понимаете? И еще я не терпел и не терплю большевизма. Именно он привил нашему сознанию отвратительные черты.

— В каком году вы вступили в КПСС?

— В 1968-м.

— И сделали это совершенно сознательно или предпологая, что подобный шаг способствует

Сплавляясь, так сказать, с милого Севера в сторону южную, на огромном белом теплоходе я встретился с народным артистом СССР, которого лет десять — пятнадцать назад трудно было не услышать по ТВ или радио хотя бы раз в сутки, а потом как-то бац — и нет его. Прокрутили, правда, недавно какую-то старую видеопленочку в милой, слегка отдающей нафталином передаче «Ретро-шлягер», и все. А ведь как признался сам артист, точнее певец... (сейчас вы икнете от неожиданности) Юрий БОГАТИКОВ, в его арсенале 42 хита! Кроме того, с Юрием Иосифовичем любопытно пообщаться, ибо он обожает постоянно вставлять какое-нибудь мудрое лыко в строку. Ну, например,

Куранты, -1994. - 3 сент. - с. 5.

НУЖНО УМЕТЬ БЫТЬ ПРИЯТНЫМ ДАЖЕ КОГДА ГОВОРИШЬ ГАДОСТИ

■ Юрий БОГАТИКОВ. 1994 год.

вашему безоблачному существованию на сцене?

— Да нет. Ну что сцена? Я ведь до нее работал, как все нормальные люди. Окончил ремесленное училище связи, затем полностью отслужил срочную на Тихоокеанском флоте. У меня никогда и мысли не было, что стану артистом. Хотя с детства пел, стихи здорово читал. Но понимаю: рос и воспитывался я в Донбассе, в рабочей среде. И люди там были настроены таким образом: рабочий — главный человек на земле! А пенсия... Помните историю с Шадяпиным? Извозчик спрашивает у него: «Барин, ты что делаешь?» А он отвечает: «Пою». И тот говорит: «Под хмельком мы все поем, а работаешь ты кем?» (Смеется.)

— Ну и как же в таком случае занесло вас на профессиональную эстраду?

— Это достаточно удивительная вещь. Вот мы все ругаем то время, а ведь тогда отношение к талантам было совсем иное. Существовали органы, которые не только отбирали способную молодежь, но потом и внимательно следили, ну, не следили

(слово плохое), а, в общем, поддерживали ее. Я, например, после ремесленного училища работал на телеграфе и пел в самодеятельности. Меня, конечно, заметили и направили на учебу, сохраняя за мной полный оклад. И я учился — сначала в училище, затем в консерватории. Потом успел немножко окончить исторический факультет университета.

— Сейчас одной из главных тем на эстраде является раскрутка того или иного исполнителя, преодоление конкуренции. Вам в свое время приходилось сталкиваться с подобными вещами?

— Конечно! Тогда была потрясающая конкуренция. Такого уровня, какой сегодняшним мальчишкам и девчонкам и не снился. Скажем, я начинал работать, когда в ряд стояли пятьдесят могучих титанов-баритонов: Магомаев, Гуляев, Гнатюк, Кобзон, и занять свою нишу было нелегко. Меня топтали. Ну не топтали, но, во всяком случае, если тот же Кобзон уезжал куда-то на месяц-полтора, это сразу чувствовалось. Меня начинали ак-

тивней приглашать. Я его как бы заменял.

Раскруткой тогда занималось государство, но одного попадания на телевидение и радио было мало. Как говорил знаменитый вождь: «Мало взять власть, нужно суметь ее удержать». И чтобы закрепиться в той борьбе наверху, необходима была серьезная подготовка.

Я помню, как впервые пришел на репетицию к Силантьеву. Юрий Васильевич, в общем-то, стоял у истоков формирования всех нас. Это был жесткий человек и музыкант. Являться к нему не совсем готовым считалось безумием. Тебя могли самым страшным образом придраться при народе, при коллегах, придавить так, что потом бы

уже ничего не захотелось. И это дисциплинировало. Фонограмм тогда не было. Выступал и «живьем». Все твое умение и в себе шкварки — налицо. А теперь какая конкуренция? Только конкуренция денег и нахальства.

— Но помню таланта тогда ведь тоже существовали нюансы, за счет которых определялся рейтинг или иного исполнителя...

— Да, за счет положения, за счет званий и еще за счет благосостояния. Если артист получал машину, дачу и квартиру, он считался «в полном порядке».

— Сейчас существуют масса продюсеров, фирм, занимающихся шоу-бизнесом, и от них во многом зависит судьба музыкантов. А кто, на ваш взгляд, раньше был наиболее влиятельным человеком на нашей эстраде? Кто в одночасье мог возвысить или низвергнуть того или иного артиста?

— Это были редакторы телевидения и наиболее влиятельные композиторы, такие, как Пахмутова, Фрадкин, Фельцман, Колмановский и особенно Никита Владимирович Богословский, чьи песни я спел больше всего, дай Бог ему здоровья.

— Какие из исполненных вами вещей вы могли бы назвать хитами?

— Ну, допустим, «Давно не бывал я в Донбассе», «Спят курганы темные», «Экипаж — одна семья», вообще все морские песни, «Усталая подлодка», «Не остуди свое сердце, сынок». Да их была масса! Както на последние записи подсчитали, и у меня оказалось 42, как вы говорите, хита. Я, кстати, был одним из первых исполнителей «Дня Победы». Лещенко взял эту песню уже потом.

— При вашей приверженности той идеологии отношения с режимом, вероятно, складывались у вас вполне лояльно. И все-таки случались ситуации, когда и на вашем пути вставала цензура?

— Да. В 1978 году на творческом вечере Расула Гамзатова в Колонном зале Дома союзов я должен был исполнить песню «Проклятие»: «Будь проклят, кто на древе замысла боится света, как сова, и тот, кто клятвенно и запросто бросает на ветер слова...» Может, помните? Так вот, ее не пустили, и я отказался выступать. Тогда Гамзатов и покойный Алексей Гурганович Экимян, чтобы уладить конфликтную ситуацию, ходили и к Лапину, и к Зимянину.

— Как же называется ваш фонд?

— Фонд духовной культуры. Мы создали его шесть лет назад. Ишем молодые дарования в Крыму, проводим фестивали. Честно говоря, меня коробит от того обилия фондов, которые сейчас появились. И все они говорят, говорят... А дело — походи проверь. Мы же выполняем свою работу негромко. Но коль уж вы меня спровоцировали на рассказ, скажу, что наш первый талант, Таня Остригина, учится сейчас в Гнесинке в Москве. У меня, кстати, начинали и Игорь Демарин, и Ира Шведова. Я их поддерживал. Каким образом? Давал им деньги, одевал, находил работу, аппаратуру. А самое главное — брал их в професси-

ональные концерты моего уровня. Больше им ничего не нужно было объяснять, они, как люди талантливые, и сами все понимали.

— Вы сказали — в концерты моего уровня. Значит, вы сейчас еще выступаете?

— Да, еду туда, куда зовут. Работы очень много. Сейчас вот Одесская филармония ждет.

— Какие отношения у вас сегодня с бывшими конкурентами по сцене? С тем же Кобзоном?

— Отличные. Я очень хорошо знаю Иосифа Давидовича, это настоящий профессионал и серьезный бизнесмен. В те годы у нас были определенные конфликты, но это так, бытовуха — наше личное, что вспоминать? А пел я, честно говоря, не хуже. Просто у него есть голосовые возможности, которых нет у меня, и наоборот. В конце концов это же не спорт — кто выше прыгнет.

— Сошли вы, однако, с центральных площадок стремительно и незаметно, как в спорте.

— В 1983 году, став народным артистом СССР, я подумал: все, хватит. Я сделал свое дело и ухожу. У меня в то время появилась своя передача: «Для вас, ветераны». Я долгое время состоял членом художественного совета Министерства культуры СССР. С 1985 года возглавлял Крымский фонд культуры. Я был известен, был в самой гуще, мне не давали проходу. И я ушел. Позднее я понял, что ошибся.

— Многие исполнители вашего поколения сейчас вновь пытаются напомнить о себе. Приезжают в Москву, устраивают в престижных залах юбилейные вечера. Может, и вам попробовать?

— Очень хорошо Пастернак сказал: «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Я не говорю о других, я о себе говорю. Какой смысл?

Я, правда, думал, вы вопрос по-другому повернете. Почему сейчас вновь появился интерес к эстетике той самой советской песни?

Мне кажется, что уходящее поколение желает, образно говоря, немного хлопнуть дверью. Мы хотим что-то вспомнить. Ведь 45 процентов наших жителей сейчас просто обделены. Ну, не эстетике же какого-нибудь Крылова, которая даже некоторую брезгливость вызывает, им сегодня воспринимать...

Вот так мы пообщались с популярным человеком 70-х. Дальше пошел разговор «за жизнь». Юрий Иосифович вспомнил, что родители его переехали на Украину из Царицына, а мать принадлежит к славному роду Рылевых. Правда, кажется, не к тому. А еще певец Богатков любит побеседовать со знакомым священником Лазарем (прямо как Ставрогин с Тихоном). И говорит он Лазарю: «А Христос-то коммунистом ведь был». А священник отвечает Юрию Иосифовичу: «Агу! Пойдем я открою церковь, буду тебя крестить».

Михаил МАРГОЛИС.
Фото Павла КУБАНОВА,
«Всеукраинские ведомости».